

Зарождение дихотомии «Европа — Азия» в литературной традиции классической Греции

Рунг, Эдуард Валерьевич — доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет, Институт международных отношений, истории и востоковедения, кафедре всеобщей истории, Российская федерация, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: eduard_rung@mail.ru.

Статья посвящена зарождению и развитию в рамках литературной традиции классической Греции представлений о дихотомии Европы и Азии. Отмечается решающее влияние Греко-персидских войн в появлении данной дихотомии. В источниках содержится недостаточно сведений о том, имело ли место противопоставление Европы и Азии до этого грандиозного конфликта, однако, после него ряд греческих авторов (Симонид Кеосский, Эсхил, Геродот) рассматривали войны греков и персов именно как противостояние Европы и Азии. В анонимном трактате «О воздухе, воде и местности» впервые в греческой литературе употребляются определения «азиаты» и «европейцы», показывается зависимость характера народов, населяющих Европу и Азию, во-первых, от климатических условий их обитания, а, во-вторых, от социальной среды, в которой они вынуждены были проживать.

Ключевые слова: Восток, Запад, греки, варвары, Европа, Азия, азиаты, европейцы.

The Appearance of the “Europe–Asia” Dichotomy in the literary tradition in Classical Greece

Rung, Eduard Valerievich — Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, 18 Kremlyovskaya str., Kazan, 420008, Russian Federation, e-mail: eduard_rung@mail.ru.

The article deals with the origin and development of the notions of the dichotomy of Europe and Asia in the literary tradition in Classical Greece. The decisive influence of the Greco-Persian wars on the appearance of this dichotomy is emphasized. In our sources there is the lack of information about whether or not the polarization between Europe and Asia took place before this great conflict, but after it a number of Greek authors (Simonides of Ceos, Aeschylus, Herodotus) regarded the wars between the Greeks and the Persians just as a collision between Europe and Asia. In the anonymous treatise «On airs, water, and places» the definitions of «Asians» and «Europeans» have been used for the first time in Greek literature. This treatise demonstrates the dependence of the characters of the peoples inhabiting Europe and Asia on the climatic conditions of their living as well as on the social environment in which they were forced to live.

Keywords: East, West, Greeks, Barbarians, Europe, Asia, Asians, Europeans.

Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 18.1. 2018. С. 111–126.
© Э. В. Рунг

В научном творчестве Э. Д. Фролова заметное место занимает исследование доктрины панэллинизма с ее идеей завоевания греками Востока, основой которой были греческие представления о враждебности эллинов и варваров¹. В данной статье будет рассматриваться происхождение и развитие идеи противостояния Европы и Азии в освещении греческой литературной традиции. Поскольку развитие данной дихотомии, как собственно и доктрины противостояния греков и варваров, происходило в классический период древнегреческой истории под непосредственным влиянием Греко-персидских войн², то, соответственно, понятия «Европа» и «Азия» обычно наполнялись вполне конкретным содержанием: под Европой в данном контексте греки понимали прежде всего Элладу, а под Азией — Персидскую империю Ахеменидов.

В греческом представлении обозначения «Европа» и «Азия» восходят своими истоками к мифологическим сюжетам. Гесиод в «Теогонии» упоминает Европу и Асию в числе дочерей Океана и Тефии (Hesiod. Theog. 357, 359), а согласно Гиппию Элейскому, название обоих континентов как раз происходит от имен двух Океанид: ἄπὸ τῶν Ὀκεανοῦ θυγατέρων· δύο γὰρ Ὀκεανίδας πρότερον γενέσθαι, Ἀσίαν καὶ Εὐρώπην, ἅφ' ὧν τὰς χώρας εἰρήσθαι (Hippias FGHist. 6. F. 10). Европой называли и финикийскую царевну, якобы похищенную Зевсом и привезенную на Крит (Hom. II. XIV. 321 cum schol.; Hesiod. F. 141; Apollod. III. 1. 1). Геродот, в свою очередь, дает иную трактовку мифа, говоря о том, что Европу похитили какие-то эллины с Крита (Hdt. I. 2), хотя далее и выражает сомнение в том, что она дала имя целому континенту (IV. 45). Вопрос об истоках топонима «Азия» греки считали также неопределенным. Так, объясняя возникновение обозначения «Азия», Геродот полагает, что греки могли выводить его от имени супруги Прометея, а лидийцы — от Асия, сына Котия (Hdt. IV. 45)³. Подборка различных греческих вариантов происхождения топонима «Азия» встречается у Стефана Византийского (Steph. Byz. s. v. Ἀσία): «Асия — город в Лидии у Тмола, в котором была изобретена трехструнная кифара, от [этой Асии назывался] и материк Азией. Одни [считают, что название происходило] от города в Лидии,

¹ Frolov 1983, 157–207; Frolov 2001, 469–498.

² О решающем влиянии Греко-персидских войн на развитие идеи враждебности греков и варваров см. (со ссылками на соответствующую литературу): Rung 2005, 126; Marinovich 2006, 11; Surikov 2011, 263 сл.; Surikov 2015, 523–524.

³ То, что «Асий» и «Асия» получили некоторое распространение в микенской и гомеровской Греции засвидетельствовано, во-первых, их появлением в текстах на *линейном письме В* в виде A-si-wi-jo и A-si-wi-ja соответственно (Ventris, Chadwick 1959, 102, 416), а, во-вторых, упоминанием у Гомера в «Илиаде» двух Асиев: сына Гиртака, царя города Арисбы и союзника троянцев (II. 838; XII. 95–96, 110, 163; XIII. 384, 414, 771), и сына Дима, фригийца (XVI. 717).

другие же — от лидийца Асия, или от супруги Прометея, или от того, что там было много тины (ἄστος), то есть ила (ἰλύς)». Однако, в историографии встречается и рационалистическое объяснение происхождения топонимов «Европа» и «Азия», выводящее их из Ближнего Востока. Европа, возможно, берет начало от аккадского слова *erēbu*, которым обозначали «заход» солнца, «запад», а Азия от *ašū* — «восход» солнца⁴. Кроме того, некоторые исследователи выводят слово «Азия» от египетского названия *Isy / Asiya*⁵ или лувийского *Aššiwā*, найденного в хеттских текстах⁶. Вопрос о древнегреческих и / или ближневосточных корнях топонимов «Европа» и «Азия» в высшей степени дискуссионный и не может быть более детально рассмотрен в рамках данной статьи. Недостаточные сведения о представлениях об Азии у греков архаического периода не дают также возможности определить, появилось ли противопоставление Европы и Азии до решающего столкновения греков с Персидской державой. Однако, все же представляется наиболее вероятным, что до победы греков в основных сражениях Греко-персидских войн и изгнания персов из Эллады еще не могла возникнуть указанная дихотомия, тем более, что малоазийские греки, которые первыми испытали на себе натиск восточных народов (сначала лидийцев, а затем персов) были теми же самыми жителями Азии. Надо сказать, что в суждениях греческих авторов периода архаики наблюдается вполне нейтральные образы Азии, а, подчас и положительные. По мнению И. Е. Сурикова, в архаическую эпоху греческой истории «Восток» и «Запад», «Европа» и «Азия» если и противопоставлялись друг другу, то исключительно как географические, а не цивилизационные понятия; оппозиция «Европа-Азия» еще не совпадает с оппозицией «Запад-Восток», как привычно нам, а скорее уж с оппозицией «Север-Юг»⁷. С этим суждением можно согласиться лишь отчасти. Конечно, не следует говорить еще о противопоставлении Европы и Азии в эпоху архаики в цивилизационном аспекте. Однако, если принимать во внимание возможные семитские истоки обоих топонимов,

⁴ CAD s. v. *erēbu* 2c; *ašū* 2i. Подробнее об этом см.: Astour 1967, 128. Исследователь также отмечает, что само по себе слово «Европа» имеет смысловое значение в греческом языке как «широкоглазая» или «широколицая». Он далее ссылается на глоссу Гезихия, который определяет Европу как страну заката или тьмы (Hesych. s. v. Εὐρώπη: χώρα τῆς δύσεως ἢ σκοτεινῆ), справедливо полагая, что от аккадского слова *erēbu* берет свое начало и греческое слово ἔρεβος – «мрак», «тьма». По мнению исследователя, западно-семитское слово «закат» могло прийти в греческий через южно-ханаанский (финикийский), где это слово звучит как *ʾarôb* и соответствует вокализации слова Εὐρώπη.

⁵ Слово, используемое в египетском для обозначения страны *Alasia*, возможно Кипра. О проблеме в целом см.: Kitchen 2009, 2–8.

⁶ В пользу данной интерпретации см.: Kaplan 1999, 5, 8–9.

⁷ Суриков 2011, 262; Суриков 2015, 523.

то явствует, что оппозиция «Европа-Азия» должна была изначально соответствовать оппозиции «Запад-Восток», хотя бы просто в географическом, пространственном измерении, а не в цивилизационном.

Самые первые образы Азии начинают формироваться еще в архаический период, когда Восток в глазах греков непосредственно ассоциировался с Лидийским царством Мермнадов. Гомеру фактически не известно название «Азия», и встречающаяся в тексте «Илиады» (II. 461) сентенция, переводимая Н. И. Гнедичем как «в златном Азийском лугу при Каистре текущем» (Ἄσιω ἐν Λεϊψῶνι Καῦστρίου ἀμφὶ ῥέεθρα), на самом деле может относиться не к Азии, а к Асию — одному из «героев»⁸. Таким образом, в гомеровских поэмах нельзя встретить какого-то ясного представления о континенте «Азия».

Иное дело Гесиод, который в одном фрагменте при изложении генеалогии Дардана уже называет Азию «хлебородным краем» (πυροφόρου Ἀσίης ἔδος) и сообщает о богатой пастбищами долине Герма (μηλοβοτόνους Ἔρμον) (Р. Оху. 2503. 3–4 = Hesiod. F. 180), а в другом — говорит о том, что Лаомедонт вырастил лучших в Азии коней (ἄριστοι ἐν Ἀσ[ί]δι ἔτραφεν) (Р. Оху. 1359. F. 1. 11 = Hesiod. F. 165). Употреблением эпитета πυροφόρος Гесиод возможно одним из первых стремится воспроизвести некий образ Азии.

Лирические древнегреческие поэты VII — VI вв. до н. э. также наделяют Азию разными эпитетами. Так, например, паросец Архилох говорит о «повелителе кормящей овец Азии» (ὁ δ' Ἀσίης καρτερὸς μηλοτρόφου) (Archiloch. F. 227), несомненно подразумевая Гигеса, о котором он упоминает и в другом своем фрагменте (F. 19). В суждении об Азии Архилоха налицо выступает поэтическое клише, которое находит затем восприятие в последующей греческой литературе. Эсхил в «Персах также именует Азию «кормящей овец» (Pers. 763). В поэме «Нанно», принадлежащей Мимнерму, создается даже положительный образ этого континента ввиду употребления выражения «милая Азия» — ἱμερτῆ Ἀσίη (Strab. IV. 1. 4 = Mimnerm. FGrHist. 578. F. 3)⁹:

⁸ Поэт уподобляет войско ахейцев стаям диких гусей, журавлей, лебедей, которые порхают в «златном асийском лугу» (II. 459–464). Впрочем, неоднозначность интерпретации данных строк Гомера демонстрирует уже Страбон, который в одном месте своей «Географии» полагает, что поэт говорит о местности «Асия» (XIII. 4. 8), а в другом — что о человеке по имени «Асий» (XIV. 1. 45). Вергилий в «Георгиках» (I. 383–384) и в «Энеиде» (X. 701) в своей реминисценции указанных строк Гомера ссылается к Азии, и к такому же заключению склоняются и авторы современных комментариев к «Илиаде» (Kirk 1985, 164). В контексте упоминания Троянской войны ссылка на войска из Азии (τάς τ' ἄλλας Ἀσίας [. . .] δε.αν κλέος ἄφθιτον) под предводительством Гектора может быть обнаружена во фрагментах поэтысы Сафо (F. 44).

⁹ Возможно, Эсхил следует подобной традиции, когда в «Прометее Прикованном» (411–412) говорит о «священном крае Азии» (ἀγνᾶς Ἀσίας ἔδος).

Так мы высокий Пилос, твердыню Нелея, покинув,
Прибыли на кораблях к Азии милым брегам.
Там, в Колофоне желанном, вознесишься от силы могучей,
Вновь мы обитель нашли, дерзостью всех превзойдя.
И устремившись опять от быстрых волн Астеента,
Смирну по воле богов взяли, Эолии град.

(пер. Г. А. Стратановского)

В VII–VI вв. до н. э., в связи с установлением тесных взаимоотношений балканских греков с Лидийским царством, в представлении греков начинает формироваться образ «богатой» Азии. Архилох применяет эпитет «многозлатым» непосредственно к властителю Азии — царю лидийцев Гигесу (οὐ μοι τὰ Γύγεω τοῦ πολυχρύσου μέλει) (Archiloch. F. 19). Применительно к этому периоду у других архаических поэтов встречаются аналогичные суждения о роскоши лидийцев (Pisander. F. 17; Xenophan. F. 3). После же крушения Лидийского царства символом богатства становится Персия. Эсхил применяет эпитет «многозлатый» (πολύχρυσος) по отношению к дворцам царя Ксеркса (Pers. 3), войску (9), Сардам (45) и Вавилону (53); города всей Азии и Персия названы «гаванью великого богатства» (ὦ γῆς ἀπάσης Ἰασιάδος πόλίσματα, ὦ Περσίς αἴα καὶ πολὺς πλοῦτου λιμῆν) (250); драматург упоминает «украшенные золотом палаты» (χρυσεοστόλους δόμους) царицы Атоссы (159), сообщает о том, что царь Дарий собрал большое богатство (μέγας Πλοῦτος) (163).

Однако, в период после отражения вторжения персов на материковую Грецию в 479 г. до н. э. не только отмечается дальнейшее развитие предшествующих представлений греков об азиатском континенте и его жителей, но и проявляются признаки противопоставления Эллады и Азии¹⁰. Симонид Кеосский в эпиграмме, прославляющей победу афинян в морской битве при Саламине, называет персов уроженцами Азии: «разноплеменный народ, родом из страны Азии» (παντοδαπῶν ἀνδρῶν γενεᾶς Ἰασίας ἀπὸ χώρας) (XXIV). В эпиграмме же в честь победы при Евримедонте (XLV) мы читаем:

С той поры, как легло меж Европой и Азией море
И как людей ополчил в битвы бурливый Арес,
Не было ни на матерой земле, ни на плещущем понте
Подвига, славного столь меж земнородных мужей;
В Кипре, индийскую рать они распростерли во прахе,
Взяли в морском бою сто финикийских судов,

¹⁰ О поэтической интерпретации Греко-персидских войн см.: Рунг 2007, 149–158.

Все с людьми на борту; и стонали азийские земли,
Вмиг из обеих рук выронив силу войны.

(пер. М. Л. Гаспарова)

И, наконец, в симонидовой поэме «Спартиаты при Платеях» есть строфы, в которых, по-видимому, говорится об оспаривании греками у персов их владычества над Азией (Simonid. F. 14. 7–9):

Персов] изгонит из Азии грозный Арес, [коль Афины]
Новый союз заключат, Зевса-Кронида почтив¹¹

(пер. В. Н. Ярхо).

Тот же Эсхил в трагедии «Персы» называет Ксеркса «неистовым владыкой многолюдной Азии» (πολύανδρου δ' Ἀσίας θούριος ἄρχων) (73), объявляет Азию «страной царя» (Ἀσία δὲ χθών, βασιλεὺ γαίης) (929), отмечает претензии царей управлять этой землей по «божественному» праву (762–764)¹²:

Такого разоренья в Азии не было
С тех пор, как Зевс-владыка ниспослал закон,
Чтоб всей землей стада растущей Азии
Всего один лишь правил жезлоносный царь».

(пер. С. К. Апта)

Эсхил представляет Греко-персидские войны не иначе как столкновение Азии и Греции, заявляя, что «вся мощь азиатская выступила в поход» (πᾶσα γὰρ ἰσχύς Ἀσιατογενῆς οἴχωκε) (12–13); «вооруженный народ из всей Азии выступил по зову царя» (τὸ μαχαίροφόρον τ' ἔθνος ἐκ πάσης Ἀσίας ἔπεται δειναῖς βασιλέως ὑπὸ πομπαῖς) (56–58); «земля Азии выступила против страны Эллады» (γᾶς ἀπ' Ἀσίδος ἦλθετ'... Ἑλλάδα χώραν) (270)¹³. Эсхил в знаменитом «сне Атоссы» (181–196) представляет Азию и

¹¹ Поэма носит фрагментарный характер, но сохранилась часть строфы, содержащая выражение ἐξ Ἀσί[η]ς ἐλά(σ)ει (F. 14. 7). По мнению М. Л. Уэста, Азия здесь означает Ионию и говорится об изгнании персов из этой части мира (West 1993, 8). Такое заключение поддерживают и другие комментаторы элегии Симонида, предпочитая видеть в указанных строках аллюзию на освобождение Ионии силами Делосского союза во главе с Афинами (см., напр.: Pavese 1995, 18; Kowerski 2005, 158). Это мнение, однако, оспорил М. Флауэр. Он первым обратил внимание на эти строки Симонида как свидетельство в пользу того, что «идея вторжения вглубь Персидской державы уже была озвучена в 470-е гг. до н. э.» (Flower 2000, 66–67).

¹² Об образах Дария и Ксеркса в «Персах» Эскила см.: Рунг, Чиглинецв 2017, 703–708.

¹³ Подобной же поэтической традиции представления Греко-персидских войн как нападения Азии на Европу следует поэт конца V в. до н. э. Хойрил из Самоса, на-

Эллладу в виде двух единокровных сестер — женщин удивительной красоты и роста, между которыми начались раздоры, и Ксеркс, чтобы их усмирить, попытался надеть на них ярмо и впрячь в одну колесницу; одна из женщин послушно согласилась находиться под ярмом, но другая сбросила конскую упряжку и сломала ярмо:

Предстали близко, в пышных одеяниях,
Две женщины: персидский на одной наряд,
А на другой — дорийский. Наших жен они
И ростом превосходней, и красой лица;
И, мнится, сестры обе из одной семьи.
И знаю, будто этой — земли эллинов,
Той — варваров достались в родовой удел.
И ссору сестры некую затеяли;
И сын мой будто тут же. Хочет мир меж них
Наладить, укротить их. А потом запряг
Обеих в колесницу и набросил им
Ярмо на выи. В упряжи красуется
Одна, как башня, и браздам покорствует;
Брыкается другая и руками рвет
Постромки, возжи, — силой выбивается,
Узду похитив, иго пополам сломив.

(пер. С. К. Апта)

Геродот воспринимает представления ионийцев о делении мира на три части света: Европу, Азию и Ливию (Hdt. II. 16–17; IV. 36–45, 198)¹⁴. Идеи объединения Азии под единой властью персидского монарха, с одной стороны, и противопоставление ее Греции и Европе, — с другой, проходят красной нитью через все повествование Геродота. Уже в προοιμία к своему труду «отец истории» (I. 4) заявляет: «Персы считают Азию и живущие там варварские племена своими. Европа же и Эллада для них чужая страна» (τὴν γὰρ Ἀσίην καὶ τὰ ἐνοικέοντα ἔθνη αὐτὰ βαρβάρων οἰκιστοῦνται οἱ Πέρσαι, τὴν δὲ Εὐρώπην καὶ τὸ Ἑλληνικὸν ἤγηται κεχωρισθαί). Завершая свой

чинающий свою эпическую поэму «Персидские войны» следующим образом: «Слово иное скажи мне о том, что с Азийского края в земли Европы война явилась великая» (ἤγεό μοι λόγον ἄλλον, ὅπως Ἀσίης ἀπὸ γαίης ἦλθεν ἐς Εὐρώπην πόλεμος μέγας) (F. 1).

¹⁴ В данном случае мы не ставим своей целью дать подробный анализ географическим представлениям в ионийской натурфилософии и историописании. Об этом написано уже достаточно в литературе, см.: Lloyd 1994, 167–168; Vasunia 2001, 90–96; Munson 2001, 85–87; Rosalind 2002, 75–101; Alonso-Nunez 2003, 145–152; McPhail 2015.

рассказ о персидских завоеваниях на Востоке, Геродот (I. 95) заключает, что таким образом персы стали владыками Азии (τοὺς Πέρσας ὅτεω τρόπῳ ἡγήσαντο τῆς Ἀσίας). Вся Азия (Ἀσίη πᾶσα: Hdt. I. 105, 107, 108, 192; ὅλη Ἀσίη: I. 192), по представлениям Геродота, делилась на две части: нижнюю (κάτω) (I. 72, 177) и верхнюю (ἄνω) (I. 95, 103; IV. 1), границей которых выступала река Галис (I. 103) Завоевания Кира «отец истории» представляет как смену владычества над Азией: ассирийское господство над Верхней Азией (I. 95); покорение Азии царями мидян Фраортом и Киаксаром (I. 102–103); владычество скифов над всей Азией, после изгнания ими киммерийцев (I. 104, 106; о вторжении киммерийцев: I. 15); господство мидян над Верхней Азией (I. 130); завоевания персами владычества в Азии после победы над мидянами и Крезом (I. 130).

Геродот (VII. 1), как и Эсхил, также представляет Греко-персидские войны не иначе как нападение Азии на Элладу, о чем вполне недвусмысленно свидетельствует его замечание по поводу подготовки Ксеркса к походу против Греции: «повинуясь приказам, Азия пришла в движение на три года, причем собирали и снаряжали лучших людей для похода против Эллады» (τούτων δὲ περιαγγελλομένων ἢ Ἀσίη ἐδονέετο ἐπὶ τρία ἔτεα, καταλεγομένων τε τῶν ἀρίστων ὡς ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα στρατευσομένων καὶ παρασκευαζομένων).

Можно согласиться с замечанием П. Каплана, что дихотомия между Европой и Азией была именно греческим конструктом, и, несомненно, относительно поздним¹⁵. Однако, мнение исследователя о том, что соотнесение Азии с персидским господством более вероятно было заимствовано из царской персидской идеологии через Ионию, может быть оспорено. Ахемениды, по всей видимости, не использовали в своей идеологии концепта «Азия» вообще, а, как это очевидно, следовали своим ассирийским предшественникам в претензиях на мировое господство¹⁶. В древнеперсидской надписи Дария I из Персеполя царь говорит о границах своего могущества, которые формально выходили за границы территории Азии, включая в греческом представлении также и Ливию: от саков, что за Согдианой, до Куша, от Индии до Лидии (DPh 4–8). Однако, в двух надписях Дария I из Персеполя на аккадском говорится, что царь властвовал над страной от моря и до моря, от пустыни и до пустыни (DPg): «Великий Ахурамазда... дал Дарию власть над этой обширной землей, где он владеет многочисленными народами, Персией, Мидией, и другими странами, с другими языками, горами и равнинами, от побережья одного моря до побережья другого моря, от одной пустыни до другой пусты-

¹⁵ Kaplan 1999, 22.

¹⁶ Об имперской идеологии Ахеменидов см. подробнее: Rung 2015, 130–140 (со ссылками на литературу).

ни»; «При покровительстве Ахурамазды вот эти земли... которые были собраны воедино: Персия, Мидия, и другие страны, с другими языками, горами и равнинами, от побережья одного моря до побережья другого моря, от одной пустыни до другой пустыни». Таким образом, Великий царь не ограничивал свою власть каким-либо одним континентом, как то думали греки, считая его «законным» властителем Азии, но простирает ее от моря до моря и от пустыни до пустыни, что демонстрирует претензии на мировое господство¹⁷.

Претензии персидских царей на мировое господство осознавал и Геродот, который словами Фемистокла заявляет: «Нам ведь неожиданно посчастливилось спасти себя и Элладу, отразив столь страшные тучи врагов. Ведь это совершили не мы, а боги и герои (θεοί τε καὶ ἥρωες), которые воспротивились тому, чтобы один человек стал властителем Азии и Европы (ἐφθόνησαν ἄνδρα ἓνα τῆς τε Ἀσίας καὶ τῆς Εὐρώπης βασιλεύσαι)» (Hdt. VIII. 109).

Таким образом, именно в произведениях Эсхила и Геродота появляются первые явные противопоставления Азии и Европы / Греции. Именно подобное противопоставление получает дальнейшее развитие в литературной традиции греков классического периода, когда за персидскими царями в произведениях античных авторов прочно закрепляется титул, никогда ими в реальности не используемый — ὁ τῆς Ἀσίας βασιλεὺς — царь Азии (Lys. II. 21, 27; Xen. Hell. III. 5. 13)¹⁸. Надо сказать, что в представлениях Эсхила и Геродота конфликт Азии и Европы видимо не представляется извечным, обусловленный различиями в образе жизни греков и «варварских» народов Азии. Геродот первым вооруженным конфликтом считает Троянскую войну, а ее истоки видит в таком факторе как похищения женщин (I. 1–4)¹⁹. Поэтому, с одной стороны, в «Истории» Геродота персы представлены «наследниками» троянцев²⁰, а, с другой, «отец истории» эпизодические передает этиологические мифы греков, в которых утверждалось бы генеалогическое родство эллинов с народами Азии, посредством, например, таких эпических героев как Мид, сын Медеи (Hecat. Milet. FGrHist. 1. F. 286; Hdt.

¹⁷ О персидском восприятии своей империи в сравнении с восприятием ее греками подробнее см.: Dan 2013, 83–121.

¹⁸ Именно этот титул и был воспринят Александром после своей победы при Гавгамелах (Plut. Alex. 32–33). Вопрос о символическом значении провозглашения Александра царем Азии вызывает оживленную дискуссию в историографии: Oost 1981, 265–282; Hammond 1986, 73–85; Fredricksmeier 2000, 136–166; Muccioli 2004, 105–158; Nawotka 2012, 348–356; Nawotka 2017, 224–233. О других титулах, применяемых греками к Ахеменидам см.: Cooper, Krüger 1998, 389–390.

¹⁹ Surikov 2011, 268.

²⁰ См.: Bowie 2012, 269–286.

VII. 62; Paus. II. 3. 7), или Перс, сын Персея и Андромеды (Hellan. FGrHist. 4. F. 60; Hdt. VII. 61)²¹.

Следует заметить также, что как у Эсхила, так и у Геродота хотя несомненно демонстрируются различия между греками и азиатскими варварами (прежде всего в политической системе и в традициях), все же идеи в отношении превосходства одних над другими выражены все же недостаточно определенно, как у последующих представителей греческой литературы. Эсхил, например, не склонен преуменьшать военные качества врага-перса, а, напротив, стремится продемонстрировать, с каким грозным противником вынуждены были эллины вступить в сражение. Поэтому в «Персах» можно встретить суждения, которые были бы почти невозможны в условиях расцвета панэллинизма в IV в. до н. э. В драме присутствуют яркие образы персидских вождей, которые характеризуются, например, как меткие стрелки из лука — τοξοδάμαντες; искусные наездники — ἵπποβάται; суровые на вид — φοβεροὶ μὲν ἰδεῖν; грозные в битве — δεινοὶ δὲ μάχην; непреклонные душой — ψυχῆς εὐτλήμονι δόξῃ (26–32). Изнеженными Эсхил, вероятно еще по прежней традиции, называет именно лидийцев — народ, населяющий материк, т.е. Азию (ἀβροδιαίτων δ' ἔπεται Λυδῶν / ὄχλος, οἷτ' ἐπίπαν ἠπειρογενές) (Pers. 41–42). Что касается Геродота, то у него изображение персов имеет свои нюансы. Историк безусловно признает их высокие воинские качества, например, заявляя, что главная доблесть персов — мужество (ἀνδραγαθίη: I. 136) и у персов более всего в почете доблестные войны (VII. 238), однако подчеркивает, что в сражении они все же уступают грекам (VIII. 86, 88; IX. 62–63, 67–68)²².

Идеи превосходства греков над азиатскими варварами формируются вероятно под воздействием, с одной стороны, осознания греками отличий в характере варварского населения Европы и Азии, а с другой, под влиянием непосредственной политической практики, способствовавшей развитию доктрины панэллинизма. Уже Фукидид особо выделяет азиатских варваров (I, 6, 5), хотя нигде специально и не оговаривает их отличие от варваров европейских (другие ссылки на азиатских варваров: III. 34. 1–4; VIII. 16. 3, 25. 4). Что касается последних, то среди них упомянуты некоторые эпирские племена (хаоны: II. 80–81), негреческие племена Сицилии (IV. 29. 5; VI. 1. 1, 2. 6, 6. 1, 11. 7, 17. 6, 20. 4; VII. 57. 11, 58. 3), македоняне (IV. 126. 3), иберийцы (которые в речи Алкивиада перед афинянами с призывом к сицилийскому походу признаются самыми воинственными из варваров — Ἴβηρας καὶ ἄλλους τῶν ἐκεῖ ὁμολογουμένως νῦν βαρβάρων μαχιμωτάτους: VI, 90, 3), нако-

²¹ Vannicelli 2012, 255–268.

²² Подробнее см.: Rung 2009, 135–137.

нец, иллирийцы (IV. 125–126) и фракийцы (VII. 29. 4). В особенности же два последних народа получают у Фукидида подробную характеристику²³. Вообще, следует заметить, что характеристика Фукидидом европейских варваров в некоторых чертах отличается от стереотипной характеристики, которую античные авторы дают азиатским варварам. В частности, историк говорит об их свирепом виде и / или чрезмерной жестокости; эти черты, насколько известно, никогда не применялась к персам и другим азиатам; напротив, европейские варвары напрочь лишены тех черт, которые обычно применялись к азиатским варварам — роскошь и как ее следствие — чрезмерная изнеженность (отделение варваров азиатских от европейских по таким критериям становится наиболее заметно у Псевдо-Гиппократ). В отношении иллирийских племен Фукидид словами Брасида замечает: «Эти иллирийцы издали страшны для тех, кто с ними не встречался. И действительно, уже сам вид этих огромных полчищ способен внушить ужас; невыносим их громкий боевой клич, и пустое бряцание оружия усиливает это впечатление. Однако вступить в решительную борьбу с теми, кто способен стойко выдержать все это, они не в состоянии. Ведь они не сражаются в правильном боевом порядке и поэтому не считают позором покидать под натиском врага какую-либо порученную им позицию. Как бегство, так и нападение у них считаются одинаково похвальными, и поэтому и сама доблесть варваров на деле остается непроявленной. При их способе сражаться не соблюдая строй, не подчиняясь команде, каждый охотно находит пристойное оправдание собственному спасению» (Thuc. IV. 126. 5).

При описании же фракийцев, Фукидид отмечает их особенную жестокость: «Ворвавшись в Микалесс, фракийцы стали разорять дома и святилища, убивать людей, не давая пощады ни старым, ни молодым, резали всех подряд кого ни встречали без разбора — и женщин, и детей, и даже выючных животных и вообще — все живое, что попадалось на глаза. Ведь народ фракийский, подобно самым диким из варваров, если он уверен в своей безопасности, кровожаден до неистовства (φονικώτατος)» (Thuc. VII. 29. 4).

Обратимся к анонимному трактату «О воздухе, воде и местности», найденному среди медицинских трудов Гиппократ Косского²⁴, в котором впервые в древнегреческой традиции используются обозначения οἱ Ἀσιτικοί — «азиаты» и οἱ Εὐρωπαϊκοί — «европейцы» (наряду с прочими, такими как: οἱ τῆν

²³ Romilly 1993, 285.

²⁴ По мнению ряда исследователей, развиваемые в трактате Гиппократ воззрения представляют самую раннюю известную попытку обосновать превосходство греческого характера и греческой культуры с использованием аргументации естественной науки (Backhaus 1976, 170–185; Joanna 1981, 11–15; Hall 1993, 124).

Ἀσίην οἰκεῦντες и οἱ τὴν Εὐρώπην οἰκεῦντες, τὸ γένος τὸ Ἀσιηνόν²⁵). Автор трактата рассуждает о малодушии и трусости азиатских народов (περὶ δὲ τῆς ἀθυμίας τῶν ἀνθρώπων καὶ τῆς ἀνανδρείης) (16. 1), но объясняет это, в первую очередь, природными условиями азиатского континента: «Что же касается вялости духа и трусости, то наибольшей причиной, почему азиаты менее воинственны, чем европейцы (ἀπολεμώτεροί εἰσι τῶν Εὐρωπαίων οἱ Ἀσιηνοί), и отличаются более тихими нравами, суть времена года, которые не производят больших перемен ни к теплу, ни к холоду, но всегда приблизительно одинаковы, ибо тогда ни ум не испытывает потрясений, ни тело не подвергается сильным переменам, от которых нравы, естественно грубеют и делаются участниками безрассудства и отваги в большей степени, чем когда все остается в одном и том же состоянии²⁶. В самом деле, перемены всего сильнее возбуждают ум человека и не позволяют оставаться в покое. Вот по этим то причинам, кажется мне, народ азиатский лишен всякого мужества» (16. 3–11).

Однако, следующей причиной малодушия и трусости азиатов, что особенно важно, автор трактата считает нахождение в повиновении у царей (τῆς γὰρ Ἀσίας τὰ πολλὰ βασιλεύεται): отсутствием независимости и подчиненностью владыке (μηδὲ αὐτόνομοι, ἀλλὰ δεσπόζονται) (16. 13). По словам автора, азиаты вынуждены отправляться на войну за своих господ и переносить труды и смерть вдали от детей, жен и остальных друзей, и как бы ни были хороши и мужественны их дела, господа от них возвеличиваются и возрастают, сами же они, кроме опасностей и смертей, ничего не пожинают (16. 15–17); напротив, те греки и варвары Азии, которые не подчинены владыке, но независимы (όκόσοι γὰρ ἐν τῇ Ἀσίῃ Ἕλληνες ἢ βάρβαροι μὴ δεσπόζονται, ἀλλ' αὐτόνομοί εἰσι), являются самыми воинственными из всех (μαχιμώτατοι), поскольку они подвергаются опасностям для самих себя, и как получают награду за храбрость, так несут наказание за трусость (16. 24–27).

Очевидно, что приведенные выше суждения представляют собой не только первую попытку сравнения, как мы бы сказали, «этнической психологии» населения двух континентов, попытку не вполне уверенную, так как автор избегает употребления слова βάρβαροι, предпочитая более нейтральное Ἀσιηνοί (варвары упомянуты только один раз в 16. 24, и то только с той це-

²⁵ Lenfant 2017, 19, 24.

²⁶ Зависимость характера народов от климата замечает и Геродот (IX. 122) в самом конце слова Кира Великого персам: «Ведь, говорил он, в благодатных странах люди обычно бывают изнеженными и одна и та же страна не может производить удивительные плоды и порождать на свет доблестных воинов».

лью, чтобы отделить их от азиатских греков), но и явной характеристики с негативных позиций именно того населения Азии, которое пребывает в составе державы Ахеменидов. Тем самым, автор трактата осознанно следует уже распространенной практике противопоставления эллинов и варваров в рамках доктрины панэллинизма, которую можно обнаружить в трудах ораторов и историков IV в. до н. э., в особенности же, у Ксенофонта и Исократа²⁷.

Таким образом, идеи, выраженные в этом трактате, свидетельствуют о завершении формирования дихотомии «Европа–Азия» в литературной традиции классической Греции, связанной не только с противопоставлением двух континентов, как это мы наблюдали у предшествующих авторов, но и их жителей — европейцев и азиатов, причем последние характеризуются с негативных позиций по отношению к первым. Противопоставление населения двух континентов, наряду с эллино-варварской поляризацией, оказало существенное влияние на развитие идеологической доктрины панэллинизма. В ходе восточных походов Александра, однако, как известно, напрямую встал вопрос о необходимости объединения Европы и Азии в рамках единой империи.

Итак, подводя итог данному исследованию, следует заметить, что в греческой литературной традиции образы Азии были многообразны, что проявлялось в употреблении различных эпитетов применительно к этому континенту, от вполне позитивных («милая» Азия), через нейтральные («богатая», «взращающая» овец) и до негативных, и вот в этом последнем случае следует видеть проявление противопоставления Азии и Европы. В таком свете Азия видится греческими авторами как исконная территория врага, персидского царя, персов в целом, и население этого континента, находящееся под властью династии Ахеменидов, получает уничижительные характеристики.

Литература / References

- Alonso-Nunez, J. M. 2003: Herodotus' Conception of Historical Space and the Beginning of Universal History. In: P. Derow, R. Parker (eds), *Herodotus and His World: Essays from a Conference in Memory of George Forrest*. Oxford, 145–152.
- Astour, M. C. 1967: *Hellenosemitica: An Ethnic and Cultural Study in West Semitic Impact on Mycenaean Greece*. Leiden.
- Backhaus, W. 1976: Der Hellenen-Barbaren-Gegensatz und die Hippokratische Schrift *Περὶ ἀέρων ὑδάτων τόπων*. *Historia* 25, 2, 170–185.
- Bowie, A. M. 2012: Mythology and the Expedition of Xerxes. In: E. Baragwanath, M. De Bakker (eds), *Myth, Truth and Narrative in Herodotus*. Oxford, 269–286.
- Cooper, G. L., Krüger, K. W. 1998: *Attic Greek Prose Syntax*. Vol. 1. Ann Arbor.

²⁷ Об этом см.: Isaeva 1990, 60–69; Isaeva 1994, 158–163; Rung 2009, 143–145.

- Dan, A. 2013: Achaemenid World Representations in Herodotus' Histories: some geographic examples of cultural translation. In: K. Geus, E. Irwin, T. Poiss (eds), *Herodots Wege des Erzählens. Topos und Logos in den Historien*. Frankfurt/Mein, 83–121.
- Flower, M. A. 2000: From Simonides to Isocrates. The Fifth-Century Origins of Fourth-Century Panhellenism. *Classical Antiquity* 19, 65–102.
- Fredricksmeier, E. A. 2000: Alexander and the Kingship of Asia. In: A. B. Bosworth, E. J. Baynham (eds), *Alexander the Great in fact and fiction*. Oxford, 136–166.
- Frolov, E. D. 1983: [Panhellenism in politics in the fourth century B.C.]. In: *Antichnaya Gretsia: Problemy razvitiya polisa* [*Ancient Greece: Problems of the polis' development*]. Vol. 2. Moscow, 157–207.
- Фролов, Э. Д. Панэллинизм в политике IV в. до н. э. В сб.: *Античная Греция: Проблемы развития полиса*. Т. 2. М., 157–207.
- Frolov, E. D. 2001: *Gretsia v epokhu pozdney klassiki. Obshchestvo. Lichnost'. Vlast'* [*Greece in the late classical epoch. Society. Personality. Authority*]. St. Petersburg.
- Фролов, Э. Д. *Греция в эпоху поздней классики. Общество. Личность. Власть*. СПб.
- Hall, E. 1993: Asia unmanned: Image of victory in Classical Athens. In: J. Rich, G. Shipley (eds), *War and Society in the Greek World*. London, 108–133.
- Hammond, N. G. L. 1986: The Kingdom of Asia and the Persian Throne. *Antichthon* 20, 73–85.
- Isaeva, V. I. 1990: [The ideological preparation of hellenism]. In: E. S. Golubtsova (ed.), *Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura* [*Hellenism: economics, politics, culture*]. Moscow, 60–86.
- Исаева, В. И. Идеологическая подготовка эллинизма. В сб.: Е. С. Голубцова (ред.), *Эллинизм: экономика, политика, культура*. М., 60–86.
- Isaeva, V. I. 1994: *Antichnaya Gretsia v zerkale ritoriki. Isokrat* [*Ancient Greece in mirror of rhetoric. Isocrates*]. Moscow.
- Исаева, В. И. *Античная Греция в зеркале риторики. Исократ*. М.
- Joanna, J. 1981: Les causes de la défaite des Barbares chez Eschyle, Hérodote et Hippocrate. *Ktema* 6, 11–15.
- Kaplan, P. G. 1999: *Multiple Geographies: The Greek View of Asia in the Archaic Period*. Diss., University of Pennsylvania. Philadelphia.
- Kirk, G. S. (ed.) 1985: *The Iliad. A Commentary*. Vol. 1: Books 1–4. Cambridge.
- Kitchen, K. A. 2009: Alas(h)i(y)a and Asiya (Isy) in Ancient Egyptian Sources. In: D. Michaelides, V. Kassianidou, R. S. Merrillees (eds), *Egypt and Cyprus in Antiquity. Proceedings of the International Conference, Nicosia, 3–6 April 2003*. Oxford, 2–8.
- Kowerski, L. M. 2005: *Simonides on the Persian Wars: A Study of the Elegiac Verses of the "New Simonides"*. London.
- Lenfant, D. 2017: Les “Asiatiques” du traité hippocratique *Airs, Eaux, Lieux* ont-ils été les premiers “Orientaux”? *Archimède* 4, 19–25.
- Lloyd, A. B. 1994: *Herodotus Book II: Commentary 1–98*. Leiden.
- Marinovich, L. P. 2006: [Emergence and evolution of the doctrine concerning superiority of the Greeks over the barbarians]. In: L. P. Marinovich (ed.), *Antichnaya tsivilizatsiya i varvary*. [*The ancient civilization and barbarians*]. Moscow, 5–29.
- Маринович, Л. П. Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков

- над варварами. В сб.: Л. П. Маринович (ред.), *Античная цивилизация и варвары*. М., 5–29.
- McPhail, C. 2015: *The Roles of Geographical Concepts in the Construction of Ancient Greek Ethno-cultural Identities, from Homer to Herodotus: An Analysis of the Continents and the Mediterranean Sea*. Diss., University of Otago. Dunedin.
- Muccioli, F. 2004: 'Il re dell' Asia': ideologia e propaganda da Alessandro Magno a Mitridate VI. *Simbolos. Scritti di Storia Antica* 4, 105–158.
- Munson, R. V. 2001: *Telling Wonders: Ethnographic and Political Discourse in the Works of Herodotus*. Ann Arbor.
- Nawotka, K. 2012: Persia, Alexander and the Kingdom of Asia. *Klio* 94, 2, 348–356.
- Nawotka, K. D. 2017: [Persia and Alexander's the Great proclamation at Gaugamela]. In: O. L. Gabelko, E. V. Rung, A. A. Sinityn, E. V. Smykov (eds), *Iranica: Iranskie imperii i greko-rimskiy mir v VI v. do n. e. — VI v. n. e. [Iranica: Iranian empires and the Greco-Roman world in the VI B. C. — VI century A. D.]*. Kazan, 224–233.
- Навотка, К. Д. Персия и провозглашение Александра Великого царем при Гавгамелах. В сб.: О. Л. Габелко, Э. В. Рунг, А. А. Синицын, Е. В. Смыков (ред.), *Iranica: Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н. э. — VI в. н. э.* Казань, 224–233.
- Oost, S. I. 1981: The Alexander historians and "Asia". In: H. J. Dell (ed.), *Ancient Macedonian Studies in Honor of Charles F. Edson*. Thessaloniki, 265–282.
- Pavese, C. O. 1995: Elegia di Simonide agli Spartiati per Platea. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 107, 1–26.
- Romilly, J. de. 1993: Les barbares dans la pensée de la Grèce classique. *Phoenix* 47, 4, 283–292.
- Rosalind, T. 2002: *Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion*. Cambridge.
- Rung, E. V. 2005: [The Perception of the Persians as the Barbarians in the Greek literary tradition in the fifth century B. C.]. *Mnemon* 4, 125–166.
- Рунг, Э. В. Представление персов как варваров в греческой литературной традиции V в. до н. э. *Мнемон* 4, 125–166.
- Rung, E. V. 2007: [The Greco-Persian Wars in the Poetic tradition of the Greeks: from Simonides of Ceos to Aeschylus]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta (Ser. 2. Istoriya [History])* 4, 149–158.
- Рунг, Э. В. Греко-персидские войны в поэтической традиции греков: От Симонида Кеосского до Эсхила. *Вестник Санкт-Петербургского университета (Сер. 2. История)* 4, 149–158.
- Rung, E. V. 2009: *Greko-persidskie otnosheniya: politika, ideologiya, propaganda [The Greco-Persian relations: politics, ideology, propaganda]*. Kazan.
- Рунг, Э. В. *Греко-персидские отношения: политика, идеология, пропаганда*. Казань.
- Rung, E. V. 2015: [The idea of empire in the state of the Achaemenids]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology and culture]* 4, 130–140.
- Рунг, Э. В. Имперская идея в государстве Ахеменидов. *Проблемы истории, филологии, культуры* 4, 130–140.

- Rung, E. V., Chigliintsev E. A. 2017: [Darius versus Xerxes. The images of Darius I and Xerxes in Old-Persian texts and in the works of Aeschylus and Herodotus]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of ancient history] 77, 3, 696–719.
- Рунг, Э. В., Чиглинцев Е. А. Darius versus Xerxes. Образы Дария I и Ксеркса в древнеперсидских текстах и в произведениях Эсхила и Геродота. *Вестник древней истории* 77, 3, 696–719.
- Surikov, I. E. 2011: [Herodotus and snatch of Europe (the first grandiose ethno-civilizational myth in the history of West)]. In: I. E. Surikov (ed.), *Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoy Gretsii*. [Essays on the historiography in classical Greece]. Moscow, 260–270.
- Суриков, И. Е. Геродот и «похищение Европы» (первый грандиозный этноцивилизационный миф в истории Запада). В сб.: И. Е. Суриков (ред.), *Очерки об историописании в классической Греции*. М., 260–270.
- Surikov, I. E. 2015: [The Role of the Polis category in the formation of the “Civilization — Barbarism” dichotomy in Ancient Greece]. In: I. E. Surikov (ed.), *Antichnaya Gretsiiya: mental'nost', religiya, kul'tura*. [Ancient Greece: mentality, religion, culture]. Moscow, 507–525.
- Суриков, И. Е. Роль категории полиса в формировании дихотомии «цивилизация–варварство» в Античной Греции. В сб.: И. Е. Суриков (ред.), *Античная Греция: ментальность, религия, культура*. М., 507–525.
- Vannicelli, P. 2012: The Mythical Origins of the Medes and the Persians. In: E. Baragwanath, M. De Bakker (eds), *Myth, Truth and Narrative in Herodotus*. Oxford, 255–268.
- Vasunia, P. 2001: *The Gift of the Nile: Hellenizing Egypt from Aeschylus to Alexander*. Berkeley–Los Angeles.
- Ventris, M., Chadwick, J. 1959: *Documents in Mycenaean Greek*. Oxford.
- West, M. L. 1993: Simonides Redidivus. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 98, 1–14.

